

НЕОКОНЧЕННОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ АННЫ АХМАТОВОЙ «ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ВАСИЛЬКИ»: ПРЕТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Т. А. Пахарева
(Киев)

В 1958 году в одной из своих записных книжек Анна Ахматова воспроизвела фрагмент стихотворения с помещенным в скобках заглавием «Из завещания Васильки»:

А княгиня моя, где захочет жить,
Пусть будет ей, вольной, воля,
А мне из могилы за тем не следить,
Из могилы средь чистого поля.
Я ей завещаю все серебро...

(Ахматова 1996: 20)

Под текстом были проставлены дата и место: «1909. Киев», – из чего явствует, что эти пять строчек относятся к стихам раннего, киевского периода, которые Ахматова пыталась восстановить по памяти в поздние годы. До сих пор оставалось неясным, что за завещание упомянуто в заглавии данного отрывка и вообще существует ли у него некий первоисточник, по отношению к которому текст является в той или иной мере цитатным. Однако можно уверенно утверждать, что данный фрагмент имеет в качестве претекста завещание одного из князей Галицко-Волынской династии, но только не Василька, а его сына Владимира Васильковича, умершего в 1288 г. после тяжелой болезни, не достигнув сорокалетнего возраста. Поскольку болезнь была длительной и не дающей надежд на излечение, князь успел тщательно продумать и сформулировать свою последнюю волю, оставив в 1287 г. два подробных завещания – своему брату и преемнику Мстиславу и отдельно – жене Ольге. Во второй из продиктованных умирающим Владимиром грамот содержится следующее: «а княгини моа . по

моемъ животѣ . шже восхочеть в черничѣ поити поидеть . аже не восхочеть ити . а како еи любо . мнѣ не воставши смотрити что кто иметь чинити . по моемъ животѣ» (ПСРЛ 1908: 616). Любопытно, что начало приведенного отрывка завещания Владимира ритмически соответствует анапесту – и, цитируя дословно текст летописи, на основе именно анапеста Ахматова формирует свой дольник в «Из завещания Васильки».

Актуализируется в завещании Владимира Васильковича и понятие «воля», но оно возникает там в связи с приемной дочерью Владимира и Ольги Изяславой: Владимир распоряжается «не ѿдать еѣ неволею ни за кого же» (ПСРЛ 1908: 616), таким образом, требуя по своей смерти гарантий «воли» и для жены, и для падчерицы. Эти безгранично интересные не только юридические, но и человеческие документы полностью приведены в Галицко-Волынской летописи (в свою очередь, входящей в состав Ипатьевского свода), причем сразу вслед за ними там содержится и еще одно выразительное свидетельство того, как важно было умирающему князю обеспечить права и свободу своих женщин по своей смерти: он заставляет Мстислава целовать крест, дав клятву строго соблюсти условия завещания во всем, что касается и имущества, и свободы княгини и падчерицы.

Несомненно, для Ахматовой, для которой тема свободы женщины всегда была значимой, это завещание Владимира Васильковича представляло большой интерес. Как известно, позднее она неоднократно и охотно говорила, что всегда выступает за развод в случае неудачного брака, а в ее стихах создан образ героини, для которой свобода или ее потеря – это отдельный драматичный сюжет, сопровождающий всю ахматовскую лирику вплоть до конца 1930-х гг.: «Вольно я выбрала дивный Град» (Ахматова 1998: 287), «Я-то вольная. Все мне забава...» (Ахматова 1998: 361), «Мне муж – палац, а дом его – тюрьма // Но видишь ли! Ведь я пришла сама...» (Ахматова 1998: 365), «Вольный ветер слезы сушит» (Ахматова 1998: 385), «Жить – так на воле» (Ахматова 1998: 448) и т. д.

Обратим внимание и на то, что в записной книжке, где восстановлен фрагмент «Из завещания Васильки», десятью страницами раньше записано другое стихотворение, помеченное Ахматовой: «Из

черновики 10-ых год<ов>». Это стихотворение «Если в небе луна не бродит...», – и в нем обнаруживаем «зеркальную» к «Из завещания Васильки» ситуацию загробной ревности и «слежения» из могилы за женой:

Если в небе луна не бродит,
А стынет – ночи печать...
Мертвый мой муж приходит
Любовные письма читать.

В шкатулке резного дуба
Он помнит тайный замок,
Стучат по паркету грубо
Шаги закованных ног.

Сверяет часы свиданий
И подписей смутный узор.
Разве мало ему страданий,
Что вынес он до сих пор.

(Ахматова 1996: 9–10)

Мотив загробной ревности интересовал Ахматову и в зрелые годы: в своих пушкиноведческих разысканиях она обращает внимание на этот мотив в «Каменном госте» и в лирике Пушкина и внимательно и подробно комментирует его. Заметим, что и «грубо» стучащие по паркету шаги мертвого мужа в процитированном стихотворении – это, конечно, та деталь, которая заставляет образ мертвого мужа у Ахматовой резонировать с образом Командора, появление которого в финале пушкинской трагедии тоже сопровождается стуком. А «Каменный гость» в 1958 году, когда восстанавливались и «Если в небе луна не бродит...», и фрагмент «Из завещания Васильки», был также на рабочем столе Ахматовой, поскольку именно в этом году ее статья «“Каменный гость” Пушкина» (см.: Ахматова 2002: 97–118) готовилась к печати и была опубликована в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы», так что правки и дополнения, вносимые в статью, осуществлялись Ахматовой синхронно с восстановлением стихотворений о мертвом ревнивце-муже и о князе, дарующем жене «волю» по своей смерти.

«Из завещания Васильки» коррелирует и с еще одним киевским стихотворением Ахматовой – «У кладбища направо пылил пустырь...», написанным в том же 1909 г. и тем же дольником на основе анапеста, что и «Из завещания Васильки». Мизантропические советы Гамлета идти «в монастырь / Или замуж за дурака» (Ахматова 1998: 16) составляют выразительный контраст заботам умирающего князя о свободе своей жены, и на этом фоне датский принц и волынский князь образуют своеобразную оппозицию «мальчика» и «мужа», в которой принц предстает едва ли не инфантильным капризником, а князь – мудрым и великодушным «мужем». Даже пейзажи этих стихотворений перекликаются друг с другом: одинокая могила «Из завещания Васильки» корреспондирует с кладбищем стихотворения о Гамлете, а «чистому полю», среди которого похоронен князь, соответствует во втором стихотворении пыльный пустырь, так что чистота и пыль, поле и пустырь образуют выразительные оппозиции.

Но как и когда Ахматова могла познакомиться с текстом завещания Владимира Васильковича? Возможно, она прочитала и запомнила его либо по изданию «Летопись по Ипатьевскому списку», вышедшему в Санкт-Петербурге в 1871, либо по подготовленному А. А. Шахматовым изданию «Полное собрание русских летописей», второй том которого с Ипатьевским списком появился в 1908 г. Но не менее, а, возможно, даже более вероятным источником, из которого Ахматова узнала о завещании Владимира Васильковича, мог быть источник-посредник, цитирующий эту княжескую грамоту. В 1909 году, когда, если верить датировке в «Записных книжках», создавалось это стихотворение, Ахматова училась на юридическом отделении Высших женских курсов в Киеве и там не только слушала курс, но и успешно сдала 7 декабря 1909 г. экзамен по истории русского права. Сама Ахматова вспоминала, что на курсах с удовольствием изучала историю права, а К. И. Чуковский позднее писал о феноменальном знании ею «первоисточников» и ее эрудиции в области истории («Историю России она изучала по первоисточникам, как профессиональный историк <...>. Диапазон ее познаний был широк». – Чуковский 1991: 52). Все это

позволяет предположить, что, изучая историю русского права, Анна Горенко тщательно штудировала «первоисточники» с ранними юридическими документами, а одним из важных таких источников является как раз завещание князя Владимира Васильковича (современный украинский исследователь Галицко-Волынской летописи так определяет его значимость: «Перед нами, поза сумнівом, вписана до літопису автентична грамота Володимира Васильковича, відтворена, ймовірно, з копії, що зберігалася у княжому архіві. Її можна сміливо вважати першою публікацією офіційного документа – князівського заповіту – серед тих, що були написані на південноруських землях давньоруських часів...». – ГВЛ 2002: 342).

Упомянутые о завещании Владимира Васильковича содержались и в литературе по истории русского права. В частности, немалое внимание ему уделено в книге М. Ф. Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права», которая на рубеже веков была одним из базовых университетских учебников по этому предмету, выдержав с 1886 по 1915 г. семь переизданий. Киевские высшие женские курсы следовали именно университетской программе (об этом см.: Кобченко 2002: 193), так что очевидно, что курсисток юридического отделения учили по тем же учебникам, что и университетских студентов-юристов. И нет сомнений, что историю русского права они изучали по учебнику М. Ф. Владимирского-Буданова, который был ординарным профессором кафедры истории русского права Киевского университета св. Владимира с 1875 по 1915 г., многолетним редактором Киевской археографической комиссии и одним из основателей киевской научной историко-юридической школы. В «Обзоре истории русского права» Владимирский-Буданов не только подробно комментирует завещание Владимира Васильковича в пользу жены, но и цитирует именно тот его фрагмент, аллюзией на который является стихотворение Ахматовой: «...очевидно, что пользование этими доходами есть выдѣлъ вдовѣй части въ пожизненное владѣніе, тогда какъ села завѣщаны въ полную собственность княгини, что обнаруживается изъ весьма оригинальнаго конца этого завѣщанія: “а княгиня моя, послѣ моей смерти, если захочетъ идти въ черницы, пусть идетъ, если же не захочетъ идти, то какъ ей любо: мнѣ не смотрѣть,

вставши изъ гроба, что кто будетъ дѣлать послѣ моей смерти» (Владимирский-Буданов 1907: 489). К тому, чтобы склониться к версии учебника Владимирского-Буданова как наиболее вероятного источника «Из завещания Васильки», побуждает и то, что последняя строка ахматовского стихотворения вступает в противоречие с летописным источником: летопись свидетельствует, что серебро Владимир не завещал своей княгине, а полностью раздал нуждающимся еще в самом начале своей болезни: «И еще же ему не вельми болну сущю, <...> когда хотяше и розда убогымъ имѣніе свое все: злато и сребро...» (ГВЛ 2002: 147). Таким образом, стихотворение Ахматовой свидетельствует о ее знакомстве не столько с полным летописным текстом, сколько с его отрывком, процитированным Владимирским-Будановым. Вместе с тем, отмеченное выше ритмическое сходство ахматовского стихотворения именно с летописным «первоисточником» (в переводе, процитированном Владимирским-Будановым, этот ритм утрачен) может свидетельствовать в пользу того, что летопись она тоже читала. Однако, как бы там ни было, очевидно, что в 1958 году, в период восстановления текста стихотворения, она не обращалась к летописным первоисточникам, о чем свидетельствует не только расхождение с летописью в последней строке, но и ошибка в имени князя, и это означает, что стихотворение восстанавливалось по памяти на основе лишь тех источников, которые были прочитаны в период учебы на Киевских женских курсах.

Вместе с тем, можно предположить, что тема летописей и древнерусской литературы в целом была актуализирована в сознании Ахматовой в период восстановления «Из завещания Васильки» тем, что в это время в ее круг общения вошел Д. С. Лихачев, имя которого трижды фигурирует в той же записной книжке 1958 года, в которой записан текст «Из завещания Васильки». До этого Лихачев уже подготовил для серии «Памятники литературы» фундаментальное двухтомное переиздание «Повести временных лет» (в комментариях во втором томе там даже упомянуто завещание Владимира Васильковича; см.: ПВЛ 1950b: 278). А в 1958 году идет интенсивная работа ученого со «Словом о полку Игореве», отголоском которой звучит и его пожелание в письме к

Ахматовой от 10 января 1959 г.: «Я всегда мечтал о том, чтобы Вы откликнулись на “Слово о полку Игореве” – переложением его (не переводом с языка на язык, а переложением с одной поэтической системы на другую – Вашу) или просто стихами. В “Слове” есть что-то <...> родняще<e> его с Вашей поэзией» (Лихачев 2006: 59). Ахматовское стихотворение о завещании Владимира Васильковича выглядит именно таким «переложением с одной поэтической системы на другую», только предпринятым не в отношении «Слова о полку Игореве», а в отношении затронувшего Ахматову летописного текста. Что же касается родства «Слова о полку Игореве» с ахматовской поэзией, то правоту ощущений Лихачева подтверждают очевидные реминисценции этого древнерусского памятника в некоторых произведениях Ахматовой (подробнее см.: Пахарева 2021: 10–11).

Вернемся, однако, к отрывку «Из завещания Васильки». В нем привлекает внимание еще один образ – «могилы среди чистого поля». Как известно, в киеворусскую эпоху князей уже принято было хоронить в церквях, и не был исключением и Владимир Василькович, похороненный, как и его отец Василько Романович, в Успенском соборе во Владимире (современном Владимире-Волынском). Однако и о захоронении князей прямо в поле есть упоминания в летописях – например, «Повесть временных лет» повествует о гибели Олега Святославича в 977 г.: «И погребоша Ольга на мѣстѣ у города Вручого, и есть могила его и до сего дне у Вручого» (ПВЛ 1950а: 53; перевод: «И похоронили Олега в поле у города Вручого, и есть могила его у Вручого и до сего времени». – ПВЛ 1950а: 251). Аналогично «Повесть временных лет» рассказывает и о захоронении прямо на месте гибели под Искоростенем князя Игоря: «И погребенъ бысть Игорь, и есть могила его у Искорѣстѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне» (ПВЛ 1950а: 40; перевод: «И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени». – ПВЛ 1950а: 237). О том, что эта княжеская могила, ставшая местом тризны княгини Ольги по мужу и ее мести убившим его древлянам, была расположена на достаточно открытом месте («в чистом поле»), косвенно свидетельствует также

упомянутая в летописи деталь о том, что перед тризной Ольга «повелела людям своим насыпать великую могилу» (ПВЛ 1950а: 239) на месте гибели Игоря – то есть в память князя было создано курганное захоронение, возможное только на открытом месте, откуда его далеко видно.

Итак, как видим, достаточно выразительные летописные упоминания о могилах «среди чистого поля» относятся к князьям времен исключительно до официального принятия христианства на Руси, так что введение в стихотворение Ахматовой образа могилы в поле, явно анахроничного по отношению к историческому прототипу героя ее стихотворения, усиливает колорит древности истории о княжеском завещании. В итоге в ахматовском фрагменте оказывается условно отражена как бы вся киеворусская эпоха от предшествовавшего принятию христианства периода до татаро-монгольского нашествия и произошедшего в это время, во второй половине XIII в., усиления Галицко-Волынской княжеской династии, к которой принадлежал и Владимир Василькович.

В целом можно заключить, что в нескольких строках ахматовского фрагмента уже явлена та направленность ее творчества на многоуровневый диалог с мировой культурой, благодаря которой наличие очевидного летописного претекста не замыкает стихотворение Ахматовой только на одну историческую аллюзию, а выводит ко все новым контекстам (шекспировскому, пушкинскому), встраиваясь в разветвленную мотивную сеть, формирующуюся в ахматовской поэзии в конце 1900-х – начале 1910-х гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ахматова А. А. 1996. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / [Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. Вступительная ст. Э. Г. Герштейн. Научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных.] М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Ахматова А. 1998. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 1: Стихотворения: 1904–1941 / Сост., подготовка текста, комментарии, ст. Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак.

- Ахматова А. 2002. Собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 6: Данте. Пушкинские штудии. Лермонтов. Из дневников / Сост., подготовка текста, комментарии, ст. С. А. Коваленко. М.: Эллис Лак.
- Владимирский-Буданов М. Ф. 1907. Обзор истории русского права: Изд. 5-е. СПб.; Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина.
- ГВЛ 2002. Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / За ред. чл.-кор. НАН України М. Ф. Котляра. Київ: Наукова думка.
- Кобченко К. А. 2002. Київські вищі жіночі курси: Становлення жіночого університету. – Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська академія». Т. 20: Спеціальний випуск: У 2 частинах. Ч. 1. С. 190–196.
- Лихачев Д. С. 2006. Письма к А. А. Ахматовой / Публикация и вступительная заметка Н. И. Крайневой. – Звезда. № 11. С. 58–61.
- Пахарева Т. А. 2021. Киевский контекст поэмы Анны Ахматовой «У самого моря». – Русские поэты XX века: Материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966) / Отв. ред. Г. В. Петрова. М.: Азбуковник. С. 9–19.
- ПВЛ 1950а. Повесть временных лет. Часть первая: Текст и перевод / Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- ПВЛ 1950б. Повесть временных лет. Часть вторая: Приложения / Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- ПСРЛ 1908. Полн. собр. русских летописей: Изд. по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М. А. Александрова.
- Чуковский К. И. 1991. Из воспоминаний. – Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комментарии А. В. Курт и К. М. Поливанова. М.: Советский писатель. С. 48–64.

REFERENCES

- Akhmatova, A. *Sobranie sochinenii*. 6 vols. Vol. 1, *Stikhotvoreniia: 1904–1941*. Edited and annotated by N. V. Koroleva. Moscow: Ellis Lak, 1998.
- . *Sobranie sochineniy*. 6 vols. Vol. 6, *Dante. Pushkinskie shtudii. Lermontov. Iz dnevnikov*. Edited and annotated by S. A. Kovalenko. Moscow: Ellis Lak, 2002.

- . *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- Chukovskiy, K. I. “Iz vospominanii.” In *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoy*. Edited by V. Ia. Vilenkin and V. A. Chernykh. Annotated by A. V. Kurt and K. M. Polivanov, 48–64. Moscow: Sovetskii pisatel, 1991.
- Galits’ko-Volins’kii litopis. Doslidzhennia. Tekst. Komentar.* Edited by M. F. Kotliar. Kyiv: Naukova dumka, 2002.
- Kobchenko, K. A. “Kyivski vishchi zhinochi kursy: Stanovlennia zhinochogo universitetu.” *Naukovi zapiski Natsionalnogo universitetu “Kiievo-Mogylians’ka akademiia”* 20, no. 1 (2002): 190–96.
- Likhachev, D. S. “Pis’ma k A. A. Akhmatovoi.” Published and prefaced by N. I. Krayneva. *Zvezda* 11 (2006): 58–61.
- Pakhareva, T. A. “Kievskii kontekst poemyy Anny Akhmatovoi ‘U samogo morya.’” In *Russkie poety 20 veka: Materialy i issledovaniia. Anna Akhmatova (1889–1966)*. Edited by G. V. Petrova, 9–19. Moscow: Azbukovnik, 2021.
- Povest’ vremennykh let. Pt. 1, Tekst i perevod.* Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1950.
- Povest’ vremennykh let. Pt. 2, Prilozheniia.* Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1950.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei. Vol. 2, Ipat’evskaia letopis’.* Saint Petersburg: Tipografiia M. A. Aleksandrova, 1908.
- Vladimirskii-Budanov, M. F. *Obzor istorii russkogo prava*. 5th ed. Saint Petersburg and Kyiv: Izdanie knigoprodavtsa N. Ia. Ogloblina, 1907.